

ИСТОРИЯ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО ПАМЯТНИКА

*(строительство памятника в честь 300-летия
Дома Романовых в городе Костроме)*

В 1903 году в Костромской городской думе решался вопрос о будущем праздновании 300-летия царствующей династии, в котором Кострома должна была принять особое участие. Думцы сочли, что самым удачным было бы сооружение памятника на берегу Волги, на месте бывшего кремля, где в XVII веке находился осадный двор бояр Романовых. Предложение костромичей было одобрено великим князем Сергеем Александровичем, который намеревался сообщить об этом императору. По какой-то причине сразу доклад не состоялся, затем началась русско-японская война, революция. Вопрос о постройке памятника в Костроме был отложен.

В начале 1909 года костромской губернатор А. П. Веретенников обратился к министру внутренних дел статс-секретарю П. А. Столыпину, который и сделал всеподданнейший доклад о предполагаемом памятнике¹. Николаю II идея понравилась.

Вскоре из губернаторской канцелярии были разосланы письма, в которых сообщалось о высочайшем позволении открыть всероссийскую подписку по сбору средств на сооружение памятника «в ознаменование наступающего в 1913 г. 300-летия царствования Дома Романовых» и создать «образованный высочайшим соизволением Особый комитет по сбору пожертвований на сооружение в г. Костроме памятника в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых», который бы руководил денежными сборами. Председателем комитета становился губернатор, а членов предлагалось

¹ Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО), ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 31.

Малый бульвар — одно из мест, предлагавшихся для размещения памятника. Фото начала XX века.

352

* Коробовские белопащцы — потомки Ивана Сусанина.

выбрать губернскому дворянскому собранию, Костромской городской думе, Костромской губернской ученой архивной комиссии, духовенству. Приглашения о членстве направлены были также сельскому старосте белопащцев села Коробово* П.Н. Соловьеву и костромскому вице-губернатору А.Н. Оболенскому.

Епископ Костромской и Галичский Тихон отвечал губернатору: «(...) В занятиях Особого комитета по сооруже-

нию в городе Костроме памятника (...) я намереваюсь участвовать сам лично. Призывая на Вас Божие благословение, с совершенным почтением и преданностью»².

В марте 1909 года было создано чрезвычайное губернское земское собрание для избрания в состав комитета представителей земства³. Первый состав комитета был таков: председатель — костромской губернатор генерал-майор А.П. Веретенников; епископ Костромской и Галичский Тихон, костромской губернский предводитель дворянства М.Н. Зусин, костромской вице-губернатор князь А.Н. Оболенский, костромской уездный предводитель дворянства И.С. Иванов, представители от костромского дворянства А.М. Григоров и В.А. Потехин, представители костромского губернского земства Б.Н. Зусин (председатель губернской земской управы) и С.Ф. Грибунин (юрьевецкий уездный предводитель дворянства), от костромского уездного земства Г.П. Ротаст и А.Д. Рассадин, костромской городской голова Г.Н. Ботников, представители от города Костромы Л.П. Скворцов (избранный секретарем комитета) и И.М. Чумаков, представитель Костромской губернской ученой архивной комиссии Н.Н. Шамолин и сельский староста села Коробово П.Н. Соловьев. Казначеем избран И.М. Чумаков⁴.

На заседании комитета, состоявшемся 9 мая 1909 года, обсуждался вопрос о месте расположения памятника (вопрос этот будет

² ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 4.

³ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 11.

⁴ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 36.

поднят еще не раз). Среди наиболее предпочтительных названы были Сусанинская площадь и стрелка при слиянии рек Волги и Костромы возле Ипатьевского монастыря.

Предполагалось, что деньги на памятник будут собраны всенародно. Весной из департамента общих дел МВД вышел циркуляр господам губернаторам о высочайшем разрешении сбора средств на памятник в Костроме и «о беспрепятственном приеме казначействами могущих поступить на означенный предмет пожертвований»⁵.

С апреля 1909 года в Кострому стали поступать уведомления о желании принять участие в конкурсе по составлению проекта памятника. Одним из первых в комитет обратился архитектор Васильев из Симферополя⁶.

На мартовском заседании городской думы губернатор Веретенников сообщил о выборе Особым комитетом места размещения памятника: Сусанинская площадь — «лучшее место в городе и потому наиболее соответствует высокому значению события». Члены комитета предполагали, что, стоя на центральной площади, памятник будет виден по радиальным улицам «со всех концов города»⁷.

Но более практичные думцы решили, что Сусанинская площадь неподходящее место — здесь уже установлены памятник Михаилу Романову и Ивану Сусанину «за царя, спасителя веры и царства, живот свой положившему», часовня в память императора Александра II, рядом — сквер. Кроме того, на площади периодически устраивались ярмарки, которые приносили городу доход, поэтому лучше всего памятник поставить на соборной площади.

Позже городская дума выразила готовность выделить для строительства памятника любое место, выбранное комитетом, но «окончательный выбор будет делать ни дума, ни комитет — этот вопрос решат художники и утвердит государь император». Привлеченные в качестве экспертов историк Иван Егорович Забелин и художник Виктор Михайлович Васнецов выбрали площадь близ Успенского кафедрального собора⁸.

2 июля 1910 года в заседании Особого комитета приняли участие приглашенные художники Александр Михайлович Опекушин, Леонтий Николаевич Бенуа, Григорий Иванович Котов и Владимир Николаевич Беклемишев. Решено было поставить памятник «по оси Нижне-Набережной улицы на валу, причем местность кругом памятника предположено обратить в сквер»⁹. В. Васнецов своим

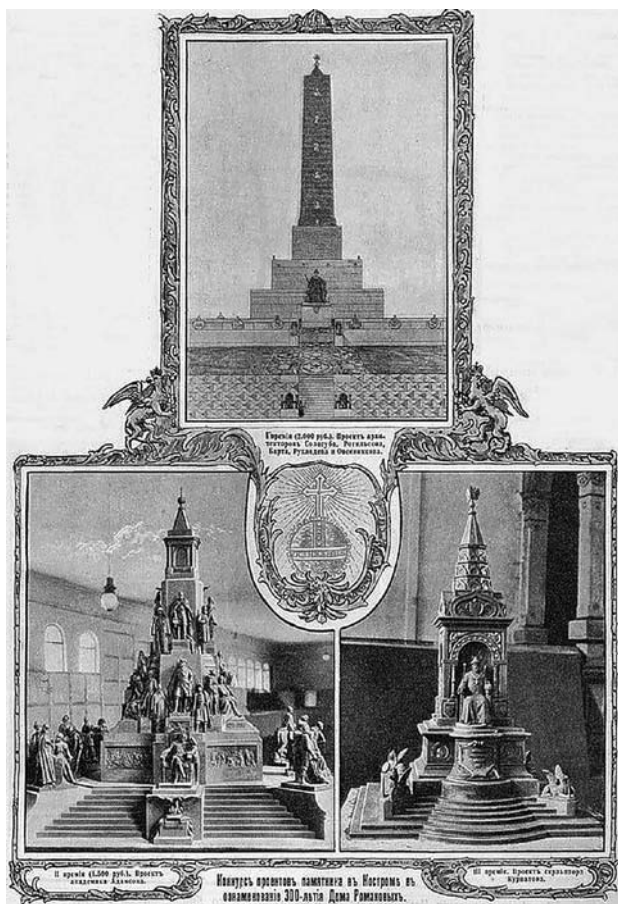
⁵ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 14.

⁶ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 18.

⁷ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 21.

⁸ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 43об—44.

⁹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 12, л. 10.

Коллаж 1911 года: проекты памятника, удостоенные премий на конкурсе.

пожертвований¹². За разъяснениями губернатор, он же председатель комитета, даже обратился к директору департамента общих дел.

9 июня 1909 года была утверждена окончательная форма воззвания и подписного листа для сбора денег. Вот фрагмент его: «14 марта 1913 г. исполняется три столетия с тех пор, когда в Российском государстве совершилось величайшее событие. В воскресенье четвертой недели Великого поста 14 марта 1613 г. в Костроме в древнем Ипатьевском монастыре, благословляемый древнейшей костромской святыней, иконой Феодоровской Богородицы, взошел на всероссийский престол Михаил Феодорович Романов, родоначальник благополучно царствующего государя императора Нико-

писью присоединился к мнению коллег и членов комитета¹⁰. Спустя довольно продолжительное время комитет обратился в Костромскую городскую думу с просьбой о безвозмездной передаче ему городской земли.

Тем временем начали поступать первые денежные пожертвования, сначала от костромичей: В. А. и А. А. Зотовых, Н. К. Кашина, И. М. и М. М. Чумаковых, И. Я. Аристова, А. В. Королева и Г. Н. Ботникова¹¹.

Какое-то время не всем было ясно, чем должен заниматься образованный комитет — только ли сбором пожертвований или всем делом устройства памятника. Этот вопрос возникал даже у членов комитета, которых приглашали то на заседание Комитета по сооружению памятника, то на заседание Особого комитета по сбору

¹⁰ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 23.

¹¹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 22.

¹² ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 25.

лая П Александровича. (...) Пожертвования принимаются во всех местных казначействах»¹³.

К осени было разослано 15 000 подписных листов¹⁴.

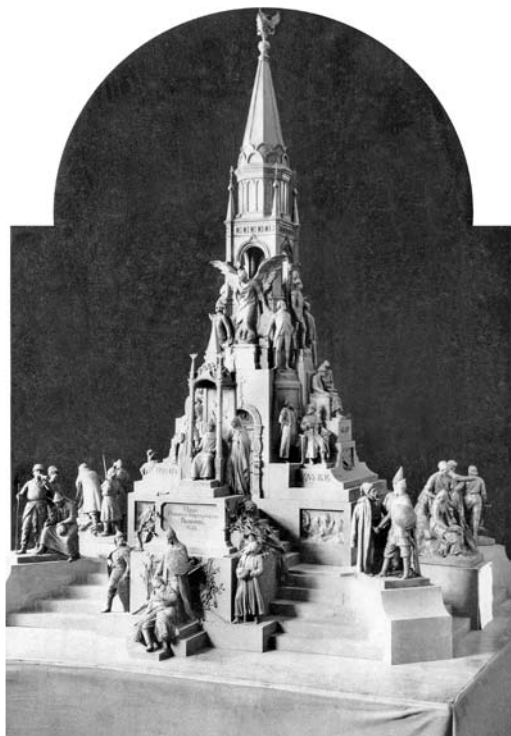
Неоднократно комитетом обсуждался вопрос о том, какого рода памятник должен быть? Высказывались различные мнения: одни хотели видеть памятник-монумент, другие – храм, третьи считали, что памятником может стать университет или учительская семинария, например. Не придя к единому мнению, члены комитета просили министра внутренних дел передать решение на усмотрение государя императора¹⁵. Министр не считал возможным сделать это, считая, что члены комитета должны сами решить столь важный вопрос. 22 ноября 1909 года после вторичного обсуждения было проведено голосование. Девять голосов было подано за памятник-монумент, шесть – против¹⁶.

К февралю 1910 года с помощью всероссийской подписки было собрано 45 тысяч рублей¹⁷. По специальному распоряжению директора Санкт-Петербургской конторы Государственного банка в Кострому были направлены четырехпроцентные банковские билеты государственного казначейства на сумму 200 тысяч рублей. В этих билетах предполагалось разместить капиталы комитета, которые уже поступили на счет или должны были поступить. К маю сумма пожертвований возросла до 70 тысяч. Деньги поступали из учреждений Астраханской, Курской, Херсонской, Тульской, Вятской и других губерний, Царства Польского. Костромской губернатор П.П. Шиловский сообщал председателю петербургского Комитета для устройства празднования 300-летия царствования Дома Романовых А.Г. Булыгину: «Собранные 70 тысяч образовались, главным образом, из поступлений мелких, но весьма многочисленных. Ослабевания потока пожертвований отнюдь не намечается»¹⁸.

К сентябрю 1910 года было собрано 130 тысяч рублей. В конце

Переработанный проект А. И. Адамсона, предназначенный к возведению в Костроме (макет). Фото десятилетия XX века.

355

¹³ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 5.

¹⁴ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 36об.

¹⁵ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 36об.

¹⁶ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 39.

¹⁷ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 59.

¹⁸ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 67.

Г. Н. Ботников,
костромской
городской
голова.
Фото начала
XX века.

356

* Имеется в виду не национальность, а российское подданство.

1910 года был открыт конкурс на создание проекта памятника и назначены три премии: 2000 рублей за первое, 1500 и 1000 рублей за второе и третье места соответственно. Среди условий были такие: «1. В конкурсе могут участвовать только русские художники*. 2. Памятник будет поставлен в г. Костроме на берегу Волги (...). 3. Памятник должен достойно ознаменовать 300-летие царствования Дома Романовых (...), будь это скульптурное или архитектурное произведение. (...) Проекты как в моделях, так и в рисунках должны быть представлены в Манеж рядом с Первым кадетским корпусом (СПб., Университетская набережная, д. 13) 26 сентября 1911 года к 3 часам дня»¹⁹.

В ноябре 1911 года проекты были предложены рассмотрению смешанной комиссии при Академии художеств. Представленные работы разочаровали и костромичей, и специали-

тов. Шиловский писал, что «конкурентами являлись или мало известные соискатели, или художники, лишь начинающие подавать надежды». Работа, награжденная первой премией (автор Сологуб) совершенно не понравилась костромским представителям, среди которых были губернатор, городской голова и член Государственной думы Г. Н. Ботников, доктор Л. П. Скворцов. По мнению губернатора, проект, благосклонно принятый художниками, был «лишен всякого талантливого замысла и художественной внешности, представляет собой нечто подобное фабричной трубе»²⁰. Третий проект «весьма скромный по замыслу и исполнению» (автор Курбатов). Проект, получивший вторую премию, понравился костромичам гораздо больше, несмотря на «слишком большую сложность» (или благодаря ей). Автор проекта, академик А. И. Адамсон, был приглашен в Кострому, куда отправили и все три проекта памятника. Окончательное решение должны были вынести жители города и губернии путем голосования.

Адамсон Амандус Генрих (или Аммон Иванович) (31.10/12.11.1855, хутор Ууга-Рятсена близ Палдиски – 26.06.1929, Палдиски, Эстония) учился в Петербургской Академии художеств (1874–1879). С 1907 года – академик Петербургской Академии художеств. Наиболее известны его работы: памятник погибшим морякам броненосца «Русалка» (1902 год, Таллинн), памятник затопленным во время Крымской войны кораблям Черноморской эскадры (Севастополь) и другие.

¹⁹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 34.

²⁰ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 76об.

В ноябре 1911 года Шиловский сообщал, что на выставке в зале костромского Дворянского собрания «проект Адамсона был постоянно окружен густой толпой посетителей, обсуждавших детали исполнения, вспоминавших исторические события». Две другие модели были лишены такого пристального внимания²¹. В особых кружках для голосования билетов, поданных за памятник, получивший вторую премию, оказалось в несколько раз больше, чем за другие: 858 голосов из 1131. 8 ноября члены комитета подавляющим большинством голосов высказались за проект Адамсона, который, однако, предлагалось доработать. Например, расширить памятник, отодвинув от центра скульптуры, изображающие народности, населяющие Россию²².

В январе 1912 года модель памятника была отправлена в Петербург «на высочайшее рассмотрение». Поместили ее в отдельном вагоне, чтобы не поломать хрупкие детали во время упаковки. От руководства Виндавской и Николаевской железных дорог было получено согласие на пропуск «означенного вагона»²³.

Губернатор Шиловский обратился к министру внутренних дел А. А. Макарову с просьбой пригласить его в Царское Село, если император пожелает лично ознакомиться с моделью памятника, чтобы дать необходимые пояснения²⁴. Встреча Николая II с моделью памятника и с П. П. Шиловским не состоялась, более того, вновь возник вопрос — каким будет памятник?

Защищая проект Адамсона от претензий членов Академии художеств, костромской комитет в заседании 17 февраля 1912 года так определил идею памятника: «В проекте мы видим исполненный с поразительной жизненностью длинный ряд государей и государынь из Дома Романовых. (...) но в таком виде памятник мог бы казаться лишь воплощением идеи 300-летия царствования династии. И вот автор окружает царственные фигуры группами народностей, вошедших в состав Российского государства. Тут мы видим и малоросса, и поляка, и финна, и балтийца, и кавказца, и сибирского инородца в дружественных группах, окружающих царские изображения (...). Соединение памятника с часовней для русского набожного человека есть идеал истинно патриотиче-

А. И. Адамсон.
Фото К. К. Буллы,
начало
XX века.

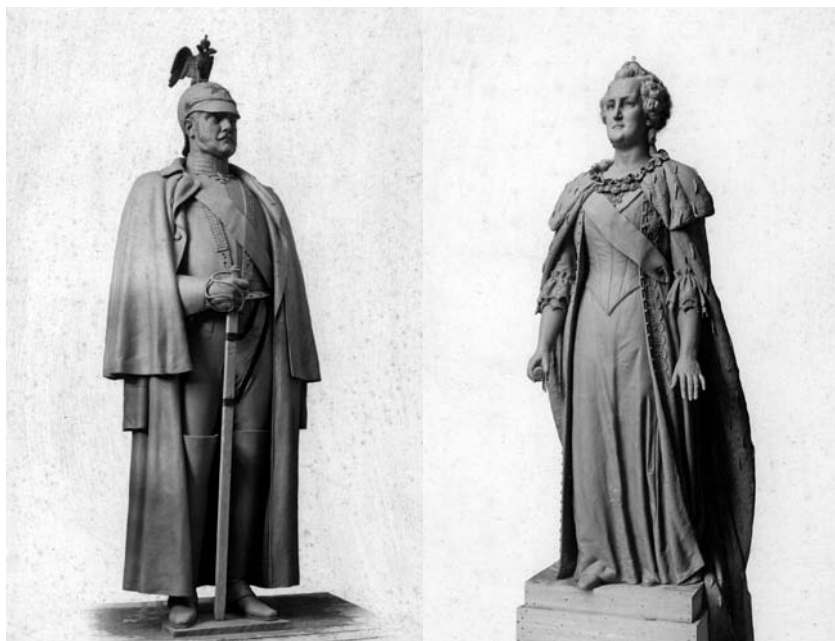
²¹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 78.

²² ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 29об.

²³ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 104.

²⁴ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 118.

Скульптуры для
памятника.
Вверху слева —
император
Николай I,
справа —
императрица
Екатерина II.
Внизу: царь Ми-
хаил Феодорович,
патриарх Фила-
рет и великая
инокиня Марфа
Иоанновна.
Фото десятых
годов XX века.

358

ского чествования великого события»²⁵. Спустя некоторое время, все-таки прислушавшись к пожеланиям членов Академии, Адамсон внес исправления в модель памятника: значительно уменьшил количество фигур, в том числе были убраны бытовые группы, изменен пьедестал²⁶.

После принятия окончательного решения о том, какому памятнику предстояло быть напоминанием о вехах российской истории под скипетром Романовых, наибольшую озабоченность стала вызывать сумма, необходимая для его строительства. Первоначально предполагалось, что смета не выйдет за 300 тысяч, в декабре 1911 года по черновым расчетам требовалось от 439 тысяч, с учетом гонорара Адамсона — до 600 тысяч. К этому времени в кассе комитета имелось свыше 250 тысяч, но дойдут ли поступления до требуемой цифры, было совершенно неизвестно. Во всяком случае, Шиловский называл расчеты «гадательными».

Комитет продолжал направлять воззвания о сборе средств, сопровождая их письмами, содержащими такие слова: «(...) На воззвание Комитета уже откликнулись десятки тысяч частных лиц и почти все общественные установления Европейской и Азиатской России»²⁷.

В апреле 1912 года проект памятника Адамсона разбирался на заседании петербургского Комитета для устройства празднования 300-летия Дома Романовых, среди членов которого царило полное несогласие. Кто-то заметил, что в памятнике не отображено покорение Кавказа, что в группе, «где великоросс пожимает руку малороссу, пропущен белорус». Другой считал, что недопустимо изображать на памятнике благополучно царствующих особ. Несколько человек высказались за более скромный памятник. Было принято решение, что проект необходимо доработать.

Узнав о разногласиях, министр внутренних дел не признал возможным знакомить императора с проектом памятника, а предложил губернатору либо срочно объявить новый конкурс, либо доработать проект Адамсона, либо принять проект, одобренный Академией художеств, но отвергнутый костромичами.

Думается, что ответ Макарова поверг Шиловского в уныние, но не в отчаяние. По его настоянию академик Адамсон вновь изменил проект, в частности сократил число фигур, убрал часовню, что уменьшило стоимость почти в половину. И хотя полемика в прессе самого разного толка сократила приход денег, Шиловский был уверен, что, по крайней мере, сбор дойдет до 350 тысяч. Уверенный, что «формальный путь» так долгов, что не позволит во время высочайшего приезда в Кострому даже «закладки кирпичей

²⁵ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 30–31.

²⁶ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 32об.

²⁷ ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 1383, л. 143.

под основание памятника произвести», губернатор вновь пишет министру, настойчиво говоря: «Пусть Его величество изволит самолично и окончательно своею волею разрешить сей вопрос»²⁸.

Наконец свершилось — 30 июля 1912 года в Кострому отправлено было сообщение: «Их императорскими величествами в 17 день сего июля высочайше одобрен переработанный академиком Адамсоном первоначальный его проект памятника 300-летия царствования Дома Романовых для сооружения в городе Костроме (...)». И подпись — генерал-адъютант барон Фредерикс²⁹.

Получив известие, губернатор поспешил поделиться радостью с епископом Костромским и Галичским Тихоном и испросить его благословения. Было написано письмо обер-прокурору Святейшего Синода В.К. Саблеру с просьбой разрешить всероссийский церковный сбор средств на строительство памятника, «дабы дать возможность и лицам малоимущим внести свою лепту в великое дело»³⁰. Однако эта просьба не встретила одобрения, так как ранее уже был объявлен сбор пожертвований на сооружение в Санкт-Петербурге храма в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых, и еще один сбор мог «поселить в добродетельных дателях недоумение».

Доходность вкладов Особого комитета по сооружению в городе Костроме памятника, помещенных в 4% банковские билеты, чуть было не упала после того, как костромское отделение Государственного банка предложило обменять 4% билеты на «вновь выпускаемые 3,6% билеты Государственного казначейства». Обращение в Государственный банк — и разрешение его управляющего А. Коншина на обмен на прежних условиях. Затем — письмо начальнику Северных железных дорог В.Н. Волкову о предоставлении права бесплатного провоза бронзовых и гранитных частей памятника из Санкт-Петербурга в Кострому. И ответ, что «с 15 ноября 1912 года впредь до окончания перевозки, но не далее 15 ноября 1915 года (...) части помянутого памятника будут перевозиться по казенным и Московско-Виндаво-Рыбинской железным дорогам из СПбурга* в Кострому бесплатно»³¹. 5 тысяч пудов «меди — бронзы в орудиях» выделило Главное артиллерийское управление из артиллерийских учреждений Варшавского военного округа³². Материал также бесплатно был перевезен в Петербург по казенным железным дорогам.

10 августа 1912 года был заключен договор между комитетом и скульптором. Вот выписки из договора: «1. Я, академик скульпту-

²⁸ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 131.

²⁹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 132.

³⁰ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 143.

³¹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 158.

³² ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 24, л. 4.

* Так в тексте.

ры А.И. Адамсон, обязуюсь исполнить все художественно-скульптурные работы согласно Высочайше утвержденному проекту памятника (...) и перечисленные в договоре с фирмой Верфель; 2) Все означенные работы я обязуюсь изготовить из своего материала, своими инструментами и при помощи своих рабочих». Первую статую Адамсон обязался исполнить в ноябре, вторую – в декабре 1912 года, третью – в январе 1913 года. Остальные статуи, фигуры и барельефы должны были быть завершены в течение трех лет с момента начала скульптурных работ³³. За свою работу академик должен был получить 128 тысяч рублей.

Фирму Верфель, как более солидную и известную в России, предпочли фирме Карла Ребекки, познакомившись со способами отливки фигур и с предложенными ценами³⁴.

Гранитная облицовка памятника поручалась акционерному обществу «Гранит», которое к 15 мая 1913 года обязалось поставить тротуар и нижний плинт памятника³⁵. Общество находилось в Финляндии (Ганге), входившей до 1918 года в состав Российской империи.

Переписка между Костромой и Петербургом продолжалась. Из нее стало известно, что к октябрю 1912 года были уже сданы заказы на отдельные части памятника: бронзовые работы – бронзолитейному заводу К. Ф. Верфель, гранитные работы – акционерному обществу «Гранит», устройство фундамента – костромскому подрядчику М. С. Трофимову. Начаты были уже земляные работы на соборной площади, устроен «тепльак для зимней кладки».

Как же должен был выглядеть памятник? Вот как он был описан в пояснительной записке:

«Памятник представляет собой грандиозный постамент высотой 17 сажень, по уступам которого расположены фигуры венценосных вождей царствующего Дома Романовых. Сквозная верхняя часть постамента заканчивается шатровым покрытием с украшением в стиле 17 столетия. Все сооружение завершается двуглавым орлом.

³³ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 1, л. 1.

³⁴ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 34.

³⁵ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 1, л. 3.

Строительство памятника. Фото десятих годов XX века

Постамент и скульптурные группы царей и императоров окружены внизу памятника барельефными группами народностей, присоединенных за истекшее 300-летие в Российской империи.

Памятник имеет два главных фасада (...) Первая группа – изображение родоначальника династии – царя и великого князя Михаила Феодоровича, сопровождаемого патриархом Филаретом и великой инокиней Марфой Иоанновной – и обращена к открытой стороне площади, видимой за несколько верст с плеса реки Волги. Царь Михаил Феодорович восседает на Царском месте, по сторонам которого внизу поставлены фигуры вождей русского ополчения – кн[язя] Пожарского и гражданина К. Минина. У подножия Царского места изображен (...) костромской крестьянин Иван Сушанин, осеняемый аллегорической фигурой России.

На противоположной стороне, обращенной к сквозной аллее городского сада, изображен в горельефе ныне благополучно царствующий государь император, восседающий на троне и повествующий наследнику цесаревичу по разложенной на его коленях карте Российской империи.

Фигуры державных вождей из Дома Романовых, числом 16, начинаются с царя Алексея Михайловича, изображенного держащим Уложение 1648 г. и беседующим с костромским вотчинником боярином Б. Морозовым. Далее виден царь Федор Алексеевич, у ног которого лежат пылающие разрядные книги. Рядом, сидящей, изображена царица София и царь Иоанн Алексеевич. Затем, на фоне морского вида с обрисовывающимся вдаль кораблем выступает мощная фигура Петра Великого. По сторонам у подножия стоят его сотрудники в деле реформ и войны – Феофан Прокопович и костромской вотчинник фельдмаршал Б. П. Шереметев*. Далее, императрица Екатерина I передает императору Петру II акт о престолонаследии. На одном с ними уровне изображена императрица Анна Иоанновна. Между этими двумя группами на возвышении – императрица Елизавета Петровна, у ног которой эмблемы учрежденных при ней Академии художеств и Императорского Московского университета. Перечисленные фигуры занимают уступы нижнего пояса постамента.

На верхней части памятника возвышается величественная фигура императрицы Екатерины II, рядом с ней Петр III, затем император Павел Петрович, Александр I (изображен на фоне кремлевских стен), Николай I, Александр II (держит акт об освобождении крестьян от крепостной зависимости).

Нижняя часть постамента украшена барельефами, изображающими предсказание пр[еподобным] Геннадием Костромским о возвышении Дома Романовых, призвание Михаила Феодоровича на царство и освобождение крестьян от крепостной зависи-

* Обычное написание – Шереметев.

мости, затем Полтавскую баталию, Бородинскую битву и осаду Севастополя.

Рука Михаила Феодоровича лежит на современной ему географической карте, на которой нанесены немногочисленные области, входившие в состав Московского государства в 1613 г. Царствующий император изображен обучающим наследника по географической карте России начала XX века.

Фундамент памятника — бетонный. (...)»³⁶.

В ноябре 1912 года Шиловский послал из Петербурга телеграмму с такими словами: «(...) Адамсон лепит Россию. Работа превосходна»³⁷. 4 декабря он же сообщал: «Рисунки памятника высочайше утверждены, дело закончено, ведите энергично постройку»³⁸.

Адамсон также посылал телеграммы в Кострому. 28 декабря он пишет: «Лепка группы не раньше 10 января может быть готова, 12 вышлю фотографии. Работаю усиленно, каждый день до 11 часов вечера. Больше было бы в ущерб дальнейших работ. После группы могу начать Вами назначенную фигуру»³⁹.

Мечтой скульптора была работа над портретом Николая II с натуры, хотя бы несколько сеансов. Но разрешения этому не последовало.

В январе 1913 года Костромскую губернию возглавил Петр Петрович Стремоухов, но Шиловский, уже будучи олонецким губернатором, не оставлял забот о сооружении памятника. Он остался членом комитета по строительству памятника от Костромской губернской ученой архивной комиссии. Смета расходов на строительство памятника, представленная им, была составлена на сумму более чем 400 тысяч рублей⁴⁰.

В мае 1913 года Кострома лихорадочно готовилась к приему высочайших гостей. За неделю до их приезда члены Особого комитета решили, что «ко времени торжественной закладки памятника в присутствии высочайших особ необходимо спешно устроить от Святых ворот Успенского собора до памятника деревянный помост с палаткой на нем и с площадкой для совершения молебствия, (...) помост и площадку надо покрыть красным сукном». Хлопоты о получении нужного количества сукна в прокат не увенчались успехом, его пришлось купить. Для церемонии торжественной закладки были приготовлены: серебряный молоток и лопатка, выписанные из столицы (стоимостью 180 рублей), 40 мраморных кирпичиков с именной гравировкой для Их императорских величеств, лиц императорской фамилии, архиепископа Костромского и Галичского, костромского

³⁶ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 161–162.

³⁷ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 164.

³⁸ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 168.

³⁹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 174.

⁴⁰ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 187.

губернатора (на сумму 600 рублей), мраморная плита для покрытия кирпичиков, металлическая доска с выгравированным текстом. Для входа на место закладки был устроен деревянный мостик. Все было украшено флажками. Работы по планировке площади и укреплению откосов выполнили 140 солдат пехотного батальона, получившие на пищевое довольствие 140 рублей⁴¹.

Возле места закладки памятника была построена пятиэтажная деревянная трибуна для публики высотой почти в 2 сажени⁴². Несколько мест на ней были выделены для операторов биоскопов, снимавших происходящее на «кинематографические ленты». Срочное сообщение о необходимости проведения личных переговоров было направлено 7 мая 1913 года из Костромы в Москву на Тверскую улицу в дом Саввинского подворья в фирму «Патефон»⁴³. 10 мая из московской компании «Патефильм» пришла телеграмма о желании присутствовать при закладке⁴⁴.

17 мая 1913 года городской голова В. А. Шевалдышев уведомил господ гласных и выборных лиц городского общественного управления, что они будут удостоены представления Их императорским величествам, в том числе 19 мая в 10 часов 30 минут утра при закладке памятника. Для совместной поездки туда они должны были собраться за час в здании городской управы и по прибытии ожидать в городском павильоне. Служащие должны были надеть белый китель при шпаге и орденах, неслужащие – фрак или черный сюртук при белом галстуке⁴⁵.

18 мая 1913 года в газете «Поволжский вестник» было опубликовано объявление: «Лица, уплатившие деньги за места на трибуне у места закладки памятника, благоволят немедленно сегодня же получить из Костромской городской управы билеты на места, для чего необходимо представить выданные городской управой в получении денег квитанции»⁴⁶.

На трибуну возле места закладки памятника билеты получили Трофимов Михаил Семенович (Кострома), потомственная почетная гражданка Третьякова Наталья Саввовна, Мамонтова Зинаида Саввовна (Москва), потомственный почетный гражданин Третьяков Михаил Иванович (Судиславль), советник коммерции Сидоров Мефодий Сосипатрович (село Большое Яковлевское Нерехтского уезда) и другие⁴⁷. Каждый из упомянутых людей примечателен и известен в костромской истории.

⁴¹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 50.

⁴² 1 сажень равна 2,13 метра.

⁴³ ГАКО, ф. 207, оп. 1, д. 573а, л. 62.

⁴⁴ ГАКО, ф. 207, оп. 1, д. 573а, л. 85.

⁴⁵ ГАКО, ф. 207, оп. 1, д. 573а, л. 144.

⁴⁶ ГАКО, ф. 207, оп. 1, д. 573а, л. 134.

⁴⁷ ГАКО, ф. 755, оп. 1, д. 8.

Утром 20 мая к месту закладки памятника стали прибывать представители воинских частей: взвод дворцовых гренадер, 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка, 183-го пехотного Пултусского полка, взвод костромской конвойной команды и сотня Кизляр-Гребенского казачьего полка. Войска расположились возле места закладки памятника: тылом к рядам и фронтом — к памятнику и собору. На правом фланге общего построения построились дворцовые гренадеры, первый взвод Эриванского полка (второй взвод разместился в резервной колонне), далее полковые команды. Затем линия войск ломалась под прямым углом и следовала вдоль линии городского бульвара. Здесь в одну линию в порядке номеров, лицом к памятнику и тылом к саду были поставлены остальные батальоны Эриванского полка. Затем линия построения вновь ломалась под прямым углом и следовала в направлении Ильинской улицы. Здесь начинался правый фланг Пултусского полка, три батальона которого были построены лицом к собору, тылом к саду. Четвертый батальон пултусцев разместился вдоль противоположной стороны площади, тылом к соборной ограде и лицом к городскому саду. Левее были выстроены полковые команды (пулеметная, связи и нестроевая рота). Еще далее — взвод конвойной команды, левый фланг которого подходил к средним воротам соборной ограды. Против соборных ворот развернутым фронтом стояла сотня казачьего полка.

Утром 20 мая в кафедральном Успенском соборе было отслужено молебствие, после которого император с крестным ходом направился к месту закладки памятника. При приближении процессии

А. И. Адамсон и работники фирмы Верфель у скульптурной группы «Россия и Иван Сусанин», изготовленной для памятника. Фото десятилетия XX века.

войска взяли «на караул», оркестр играл «Коль славен». У будущего памятника вновь отслужили молебствие. Во время закладки с противоположного берега Волги гремел артиллерийский орудийный салют. Затем Николай II проследовал в специально выстроенный на обрыве к Волге павильон, где оставался 15–20 минут. В это время войска успели перестроиться для прохождения церемониальным маршем⁴⁸.

Этот день для памятника 300-летия царствования Дома Романовых был самым торжественным. Другим мог бы стать день его открытия, но его не случилось.

Тем не менее работы над памятником продолжались и после весенних празднеств 1913 года.

Еще в декабре 1912 года Особый комитет принял у Адамсона готовые фигуры России и Сусанина и просил скульптора приступить к лепке фигур Михаила Феодоровича, а затем Минина и Пожарского⁴⁹. 5 февраля 1913 года академик Адамсон телеграммой просил прислать кого-либо из членов комитета «для осмотра и приема статуи царя Михаила Феодоровича (...) в глине»⁵⁰. Спустя несколько дней, не дождавшись ответа, Адамсон пишет новую телеграмму, в которой заявляет, что приступает к окончательной отделке скульптуры. Это послание, видимо, вызвало неудовольствие костромского губернатора, уточнившего срок приезда комиссии и напомнившего текст контракта⁵¹. Впоследствии между Особым комитетом и скульптором недоразумения возникнут еще не раз.

В конце июня 1913 года комиссия приняла фигуру Михаила Феодоровича и просила изменить черты лица скульптуры, изображающей Минина⁵².

В октябре 1913 года был принят патриарх Филарет. В отношении других скульптур Стремоухов писал Адамсону: «Фигуру князя Пожарского просить художника Адамсона несколько изменить, прося придать ему выражение большей энергии и мужества. Фигуру инокини Марфы изменить в лице, приблизив его к имеющемуся портрету, (...) а также изменить головной убор и, по возможности, уменьшить рост»⁵³.

Медлительность комитета раздражала скульптора. 24 октября 1913 года из Петербурга в Кострому пришла телеграмма: «Не откажите в любезности немедленно сообщить, почему до сих пор не имею ответа от комитета о приеме. Договорный срок уже миновал, потерял много времени и статуи начинают трескаться,

⁴⁸ ГАКО, ф. 133, оп. 40, д. 211, л. 189–190.

⁴⁹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 7.

⁵⁰ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 9.

⁵¹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 11.

⁵² ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 24.

⁵³ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 25.

вся работа портится, из-за этого должен буду вторично много лепить (...)»⁵⁴. 30 числа того же месяца: «Формовку их откладывать ни под каким видом нельзя, статуи начали сильно трескаться и угрожают полностью разрушиться, (...) откладываю всякую ответственность от себя»⁵⁵.

В ноябре 1913 года из Костромы в фирму Верфель, располагавшуюся на Невском проспекте города Петербурга, была направлена телеграмма с вопросом, приняты ли от Адамсона фигуры Филарета, Марфы и Пожарского?⁵⁶

В ноябре того же года из Костромы Адамсону было отправлено 25 000 рублей.

В декабре Аммон Иванович вновь напоминает комитету о том, что нужно принять решение о статуе инокини Марфы.

Зимой 1914 года возникло новое препятствие. Адамсон жалуется, что в его мастерской 5 градусов мороза, поэтому он «не мог работать и должен был подчиниться форс-мажору». К февралю в мастерской поставили две печи, и работы были возобновлены⁵⁷. Тогда же телеграммой скульптор спрашивает о результате обсуждения комитетом «относительно Чижова». Планировалось, что его фигура будет среди других на памятнике⁵⁸.

Вступление России в Первую мировую войну еще более осложнило положение. Адамсон не успевал выполнить работы по контракту, комитет отказывал ему в полной оплате. 18 июля 1914 года в письме своему многолетнему костромскому корреспонденту, чиновнику особых поручений при костромском губернаторе Николаю Федоровичу Каллю скульптор сообщал: «(...) Я к осени действительно не буду в силах доставить все 9 статуй на получение установленной суммы в 25 000 рублей. (...) Оценивать каждую статую и назначая за каждую известную [сумму] не совсем удобно для меня. В настоящее время почти никаких наличных сумм в руках, и до осени еще долго ожидать. То, что имею, это процентные бумаги, которые теперь все невозможно упали, и главное, еще такие, которые несчастным образом уже давно проценты не платят (...). Так то, что у меня на текущем счету было, уже исчерпано, а тем более теперь, в эти наступающие тяжелые времена все дороже и дороже все станет — особенно рабочие мои постоянно требуют прибавки жалованья, с угрозой, в противном случае уходим. А что же тогда с нашей работой будет? Вот о чем я прошу комитет: мне выслать ежемесячно по 700 рублей до 15 ноября, или же выслать одновременно в ноябре составляющую сумму в 2800 руб.

⁵⁴ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 26.

⁵⁵ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 28.

⁵⁶ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 218.

⁵⁷ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 34.

⁵⁸ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 46а.

368
Вид на кремлевские соборы с правого берега Волги. Слева за Царской беседкой — строящийся памятник. Фото середины десятилетия XX века.

(...) Теперь у меня в работе две статуи Николая I и Екатерины II. Для Николая I я получил исторические материалы из Аничкова дворца, все подлинники: кирас[а], каска, шинель, рейтузы и сапоги. А Екатерину II, кажется, найду в артиллерийском музее. Я член Военно-исторического общества, так что мне все легче добыть. Как бы ни было тяжело и страшно время, я не забуду своего долга и буду работать не отрываясь до конца. А деточки мои шлют Вам нежный детский привет (...). Ваш А. Адамсон»⁵⁹.

Забегая вперед, заметим, что лишь в апреле 1915 года гипсовая статуя Николая I была передана для отливки из бронзы на фирму Верфель⁶⁰. Просимую сумму академик получил в том же июле.

В августе 1914 года Адамсон сообщил о трудностях на фирме Верфель: «Многие заводы действительно должны были прекратить свою деятельность из-за неимения достаточного оборотного капитала, но на заводе Верфеля еще не так страшно, здесь только может быть речь о роспуске гранильных рабочих»⁶¹. Чуть позже он сообщает, что надеется до осени отлить 3 фигуры. О войне он пишет: «Проклятье ему, Вильгельму II, и всей его орде разбойников!!! Мы должны их уничтожить до последнего»⁶².

В ноябре 1914 года Аммон Иванович сообщил о скорой готовности скульптуры Александра I. Он надеялся до конца года завер-

⁵⁹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 47–49а.

⁶⁰ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 9, л. 20.

⁶¹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 55.

⁶² ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 57об.

шить изготовление пяти статуй⁶³, но всерьез был озабочен отсутствием средств и просил комитет выплатить за уже исполненные фигуры по 3000 рублей за 8 фигур и за девятую – тысячу. Адамсон переживал из-за призыва на военную службу опытных рабочих, специалистов по литью и формовке. На документе, адресованном председателю Особого комитета (П.П. Стремоухову), помета: «Не удовлетворять»⁶⁴.

В декабре 1914 года художник сообщает о том, что им закончена работа над скульптурой императора Александра II, далее он исполнит фигуры Петра III, Павла I и другие. Беспокойство мастера вызывало промедление фирмы Верфель с отливкой, что могло вызвать деформацию гипсовых скульптур. С некоторым раздражением Аммон Иванович пишет в Кострому: «Не торопите меня с работою, и не связывайте меня с определенными сроками, (...) ибо это может служить помехой в моей спокойной творческой работе, которая не укладывается в обыденные рамки ремесла»⁶⁵.

К сожалению, между скульптором и комитетом все больше возникало непонимания. На просьбы поторопить администрацию фирмы Верфель костромичи напоминают Адамсону, что именно он порекомендовал эту фирму и до последнего времени ручался за аккуратное исполнение ими работ. В фирме произошли кадровые изменения, после смерти А.И. Мейера руководство перешло в другие руки.

К январю 1915 года Костромскую губернию возглавил А.П. Мякинин, который стал председателем Особого комитета. В марте 1915 года комитетом была одобрена скульптура Александра II. Следующим этапом стала работа Адамсона над статуей Петра III, орлом и короной.

К маю 1915 года из 26 фигур, которые должны были составлять памятник, изготовлена была лишь половина. «Ввиду этого у Комитета создалось достаточно оснований опасаться, что принятые Вами на себя работы не будут окончены даже к тому последнему сроку, на который Комитет может согласиться – к 15 мая 1916 г., так как по условиям с фирмой Верфель Вы обязаны представить ей для отливки все фигуры и барельефы за 6 месяцев до окончательного представления ею своих работ, а затем нужно еще не менее 6 месяцев для окончательной отделки памятника на месте, отсрочивать же долее 15 мая 1917 г. открытие памятника Комитет никоим образом не находит возможным», – писал А.П. Мякинин⁶⁶. Адамсон в это время находился в Крыму, оправдывая свою поездку необхо-

⁶³ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 61об–62.

⁶⁴ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 65.

⁶⁵ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 67.

⁶⁶ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 86.

димостью отдыха и лечения правой руки и плеча, «которые пострадали при исправлении статуи Петра III»⁶⁷. В сентябре того же года была вылеплена фигура императора Павла, в ноябре — Петра Великого.

Осенью 1915 года Адамсон вновь заболел и до февраля следующего года не мог работать. В письме костромскому губернатору он обращает внимание на то, «что болезнь нажита лишь на почве усиленной мышечной работы по сооружению памятника»⁶⁸. Тогда же он приступил к изготовлению скульптурной группы царевича Иоанна Алексеевича и царевны Софьи. По завершении этой работы скульптуры были приняты бывшим костромским губернатором, продолжавшим оставаться членом комитета, Шиловским. Из-за несвоевременного перевода денег фигуры не были вовремя отлиты из бронзы, при этом изготовленные формы были повреждены, о чем, сердясь, в марте 1916 года заявляет Адамсон. Той же телеграммой просит принять готовую статую Феофана Прокоповича⁶⁹. Затем следовали статуи Елизаветы Петровны, графа Шереметева, Феодора Алексеевича. И вновь — задержка денег.

Помимо всего, с начала 1916 года работы по отливке моделей из бронзы на заводе Верфель были прекращены. В декабре этого года в формовочной мастерской обвалилась часть потолка, повредив модель статуи Шереметева. Речь о том, чтобы закончить памятник к маю 1917 года, уже не шла. Адамсон планировал изготовить все модели к осени 1917 года. И если бы деятельность завода целиком направлялась на отливку фигур памятника, была бы надежда увидеть его в середине 1918 года⁷⁰.

Средств, запланированных на расходы по изготовлению памятника, не хватало. Стоимость сооружения его с каждым годом возрастала. В 1915 году Николай II утвердил передачу денег, оставшихся от сумм, собранных на сооружение в Москве памятника Александру III, в сумме более 64 тысяч рублей, в распоряжение костромского Особого комитета⁷¹.

В августе 1916 года академик Адамсон обратился с прошением непосредственно к императору о выделении ему дополнительных средств в сумме 50 тысяч рублей в связи с условиями военного времени и возросшими ценами. «Общее вздорожание всего, начиная с материалов и кончая рабочих рук, делает для меня невозможным исполнить на прежних условиях принятые на себя обязательства. Более половины всей работы окончена и принята* комитетом по сооружению памятника, и мне необходимо еще изготовить 7 больших

⁶⁷ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 90.

⁶⁸ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 113.

⁶⁹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 119.

⁷⁰ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 139.

⁷¹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 231.

* Так в тексте.

статуй, группу ныне благополучно царствующего государя императора с наследником цесаревичем, сени, 12 сажень барельефов, ряд эмблем, гербов, орнаментов и прочих украшений, и за все это мне остается получить от Комитета около 47 тысяч рублей. К сожалению, я лишен возможности окончить за такую сравнительно небольшую сумму весь памятник»⁷².

На запрос канцелярии Его императорского величества председатель Особого комитета костромской губернатор Иван Владимирович Хозиков в сентябре 1916 года отвечал: «С начала скульптурных работ до настоящего времени академиком Адамсоном исполнено 20 статуй, остается исполнить еще 6 статуй, (...)». По условию Адамсон

должен был окончить работу всех статуй еще к 15 ноября 1915 г. В течение последних двух лет комитет не раз просил академика Адамсона принять все зависящие от него меры к скорейшему окончанию работ (...), тем более, что комитетом в это время были получены сведения, что Адамсон занят исполнением частных работ (...). До настоящего времени ни фирма Верфель, ни фирма «Гранит», ни подрядчик бетонных работ не обращались в комитет с ходатайствами о какой-либо добавочной сумме против договора из-за всеми ощущаемой дороговизны»⁷³. Вывод был таков — доплатить скульптору возможности нет.

Доставка и установка гранита, за небольшим исключением, была закончена к октябрю 1915 года⁷⁴. Доработка пьедестала тормозилась отсутствием железного шатра, который должен был быть заложен в бетонную кладку. Переписка с фирмой Верфель о необходимости скорейшего его завершения продолжалась еще летом 1916 года. Общество же «Гранит» в 1917 году просило произвести скорейший окончательный расчет, «так как убытки по курсу рубля весьма велики и с каждого дня увеличиваются»⁷⁵.

После Февральской революции 1917 года было принято решение прекратить работы над памятником.

⁷² ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 146.

⁷³ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 145.

⁷⁴ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 7, л. 100.

⁷⁵ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 7, л. 112.

Скульптуры для памятника хранились как около самого монумента, так и в саду губернаторского дома. Здесь их и застала революция. На фото 1917 года: члены Костромского городского Совета солдатских депутатов в губернаторском саду у скульптуры России.

В апреле 1917 года Адамсон обратился в Костромской комитет по сооружению Романовского памятника (так он назван в документе) с отчаянным письмом: «(...) Развернувшиеся в феврале события отстранили всю возможность и допустимость постановки памятника бывшей династии. Согласно телеграмме Комитета я приостановил работы, но передо мною ныне стали открытыми два вопроса, по коим я имею честь обратиться с настоящим заявлением: 1) Прервание по вине исторических событий моей громадной работы, каковая принудила меня последние годы отстранять от себя другие лестные мне предложения, поставило меня внезапно перед перспективой абсолютной безработицы и абсолютного неимения средств к жизни. 2) Сделанная мною работа (...) династического отношения, имеет, я смею думать, и некоторый художественный интерес, и простое уничтожение ее было бы все же актом высоко оскорбительным для меня лично и вообще для всех деятелей на поприще художеств. (...) Я полагал бы справедливым: 1) в виде неустойки за прерванную не по моей вине работу выдать мне 50 000 рублей из сумм комитета и 2) работы мною сделанные, в металле и алебастре, хранить в каком-либо соответствующем месте по указанию Временного Правительства (...)»⁷⁶. На письме Адамсона нет никаких резолюций. Позднее было еще несколько обращений поверенного скульптора о назначении ему денежного пособия.

В сентябре 1917 года поверенный администрации К. Ф. Верфеля С. С. Маргулис потребовал от костромского губернского комиссара оплатить выполненные работы с учетом роста цен. При этом часть долга предлагалось погасить бронзой – после отливки фигур осталось 3000 пудов – по цене 29 рублей 50 копеек за пуд⁷⁷. Тогда же Петр Петрович Шиловский писал костромскому губернскому комиссару о необходимости решить судьбу оставшейся бронзы незамедлительно: «Производящаяся эвакуация поставила весьма остро вопрос об участии медной бронзы (...), предназначавшейся на исполнение памятника в Костроме, ныне хранящейся в мастерской академика Адамсона на Обводном канале. Вывезти это количество из Петрограда вряд ли удалось костромскому комитету, а оставить столь большую военную ценность на возможность быть присвоенной немцами в случае занятия ими Петрограда было бы преступно. Изложенные соображения и отъезд академика Адамсона, находящегося где-то на юге России, побудили меня напомнить Вам, милостивый государь, и костромскому комитету (если таковой еще существует) о необходимости теперь же (...) ликвидировать это большое количество металла, ненужного более

⁷⁶ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 160.

⁷⁷ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 151–152.

комитету, а военному делу весьма ценного. (...) Как член бывшего комитета высказываю свое определенное мнение: необходимо немедленно (...) продать бронзу. Полагал бы, что в первую очередь должна быть сдана часть металла в бронзовых пушках, затем и металл в изваяниях, если бы академику Адамсону не удалось их эвакуировать как предметы искусства»⁷⁸.

В ноябре 1917 года бронза была продана товариществу «Трэд»⁷⁹.

К десятой годовщине Октябрьской социалистической революции на пьедестале решено было установить фигуру «вождя мирового пролетариата» В.И. Ленина. Для этого постамент был несколько изменен, что потребовало времени. Поэтому открытие памятника состоялось лишь 1 мая 1928 года.

Так с 1928 года место представителей династии Романовых занято статуей того, кто приложил немало усилий к их уничтожению.

Первая редакция статьи:

Ковалева Л. А. Памятник, которого не было // Костромская старина. Кострома, 1993, № 4, с. 33–44.

***Публикуемый текст подготовлен в 2013 году и размещен на интернет-сайте Государственного архива Костромской области:
www.kosarchive.ru/publications***

⁷⁸ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 10, л. 19–20.

⁷⁹ ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 156.